

КНЯЗЬЯ ВЕЛИКИЕ, УДЕЛЬНЫЕ, СЛУЖИЛЫЕ: ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС

Князья великие. До начала XIII в. в России, в отличие от Западной Европы, не существовало разветвленной системы титулования. Был только один титул — князь, прошедший длительную эволюцию от обозначения племенного вождя до наименования верховного владетеля, главы государства. Он был родовым, передавался по наследству и отражал владетельные и политические права его носителя. С возникновением древнерусского государства, его главы стали называть великим князем, что подчеркивало его старшинство среди князей.

До конца XII в. титул великих носили киевские князья, но уже с XII в. количество великих князей увеличивается, что было связано с появлением в период феодальной раздробленности государственных образований (княжеств), включающих в себя вассальные уделы. Великими княжествами в XII—XV вв. были: Владимиро-Суздальское, Московское, Тверское, Ярославское, Рязанское, Нижегородское, Черниговское и другие. Первым среди равных был великий князь владимирский.

В генеалогическом плане все русские князья имели одного древнего предка, которым, согласно официальной концепции о происхождении великокняжеской династии, зафиксированной в середине XVI в. В Государевом родословце, был Рюрик. В исторической литературе уже не одно столетие ведутся споры о родовом и этническом происхождении древнерусского княжеского дома и самого Рюрика, выводя его родословную то от библейского Ноя, то от кесаря Августа, то от новгородского старейшины Гостомысла.

Кроме русских князей титул великих в XIV—XVI вв. носили феодальные владельцы Литвы из рода Гедимина. В этом же титуле уже с XIII в. присутствовало слово «Русь»,

а в XIV—XV вв. Восточнославянские земли составляли 9/10 территории Великого княжества Литовского, правитель которого с 1385 г. именовался «король польский и великий князь литовский, русский и жомойтский»¹. С 1569 г. титул Великий князь Литовский официально вошел в польский королевский титул.

По мере собирания земель вокруг Москвы ликвидировались великие княжения Северо-Восточной Руси: в 1389 г.—Владимирское, в 1392 г.—Суздальско-Нижегородское, в 1463 г.—Ярославское, в 1474 г.—Ростовское, в 1485 г.—Тверское, 1514 г.—Смоленское, 1521 г.—Рязанское. Этот процесс сопровождался лишением их князей права носить титул великих. Таким образом, уже к концу правления Ивана III произошло собирание власти в руках московского князя, который единолично сохранил это право. С 1547 г. Наименование «великий князь» входит в царский, а с 1721 г. в императорский титул. С конца XVIII в. в соответствии с Учреждением об императорской фамилии великими князьями и княгинями назывались потомки императора (в 1797—1885 гг. до правнуков включительно, после 1885 г. только сыновья и внуки императора).

Князья удельные. Более многочисленный слой, по сравнению с великими князьями, составляли князья удельные. Их политический статус был ниже, но землевладельческие права те же. Генеалогически удельные князья были связаны с родами Рюрика и Гедимино. Рюриковичи «сидели» в своих землях со времени Киевской Руси, Гедиминовичи (Андрей Полоцкий, Владимир Киевский, Дмитрий Брянский, Константин Черниговский) утвердились, когда после вхождения восточнославянских территорий в состав Великого Литовского княжества шло вытеснение с княжеских престолов Руси потомков прежних династий (князья из Рюриковичей сохранились в Верховских княжествах — Одоевском, Новосильском и др.)².

Как правило, великим князем становился старший сын (старшая ветвь рода), остальные — удельные). Термин «удел» происходит от слова «дел» — доля, часть и обозначает часть государственных земель, завещанных великим князем своим прямым потомкам. Уделы на Руси появились во времена Святослава и сразу определилась их тенденция к превращению в вотчины, что и было юридически оформлено Любечским съездом князей в 1097 г. В период феодальной раздробленности распад Киевской Руси на отдельные

государственные образования происходил первоначально по границам «отчин» потомков великих киевских князей. В последующий период уделы формировались в великих княжествах за счет раздачи сыновьям владетельного господина. Именно в этот период формируется понятие удельный князь, политический статус которого закрепляется в договорных грамотах. Нередко княжества дробились до такой степени, что уже не отличались от крупных боярских вотчин ни размерами владений, ни по существу землевладельческих прав, ни степенью иммунитета, закрепленного в тарханно-несудимых грамотах (Ухтомское, Кемское, Андожское, Юхотское и другие). Противоположную тенденцию можно проследить на примере Московского княжества: которое в 1263 г. было выделено в удел, а уже в 1428 г. стало великим княжеством, признанным Ордой и возглавившем централизацию.

Суверенные права удельных князей на подвластных им территориях были велики. Они судили земельные и «разбойные» дела, выдавали тарханские и несудимые грамоты своим боярам, имели дворцовые села для раздачи в «службу» земли, свой двор с аппаратом управления, свои таможи и денщиков, свою думу «с введенными» боярами. В ряде удельных городов известны наместники, а по волостям — волостели. Удельный князь считался главой удельного войска, которое участвовало в общерусских походах, а великий князь брал на себя защиту территориальной целостности их земель. Границы уделов организовывались завещанием верховного владетеля, затем регулировались договорными грамотами, за их соблюдением следили специальные разъезды. Участие удельных князей в общерусских делах было ограничено, они приглашались к совету великого князя формально, так как он предпочитал вести дело, опираясь на свой двор.

В Российском централизованном государстве в отношении уделов достаточно четко прослеживаются две тенденции: выделение новых только прямым потомкам правящего лица с явным преимуществом в пользу старшего сына и стремление аннулировать ранее выделенные. Иван III к концу своего правления ликвидировал удельную систему, сложившуюся до него, но создал новую, территориальные и политические права которой оговаривались в его завещании 1503 г.³ и были несравнимы с правами предыдущей поры. Эта двойственность приводила к тому, что уделы могли ликвидироваться, затем восстанавливаться с новым владельцем и спо-

ва ликвидироваться. Так, Дмитровский удел упразднился в 1472 и 1533 г., Углицкий — в 1492 г., 1521 г., 1591 г., Старицкий — в 1537 г. и 1539 г. и т. д.⁴

В XV—XVI вв. удельными князьями становились представители московского великокняжеского дома. Последним уделом Северо-Восточной Руси, принадлежащим не напрямую потомку царствующей особы (но все же в пределах московского дома) был удел Владимира Андреевича Старицкого, выделенный в 1490 г. Иваном III, а окончательно ликвидированный Иваном IV в 1569 г. Последним российским уделом был Углицкий, образованный для царевича Дмитрия, а после его гибели в 1591 г. упраздненный и включенный в состав общерусских земель.

Удельная знать периода централизации в основном состояла из тех же родов, что и московская, так как действовал принцип: младшим братьям князей служили младшие ветви княжеских фамилий, находящиеся при Государственном Дворе. Служба в уделах была не престижной, так как она исключала из состава великокняжеского Двора. Так, князь В. В. Ромодановский, потомок владетельных князей Стародубских, служил боярином у удельного князя Михаила Андреевича в Верейско-Белозерском уделе, после ликвидации которого в 1486 г. он оказался на московской службе на правах провинциального боярина, имел в 1509 г. чин окольного боярина и умер, не дослужившись до боярина. Кроме него в этом уделе служили Колычевы.

В Волоколамском уделе в середине XVI в. из числа княжеской аристократии служили дети Хованских; в Вологодском уделе в 60—80-е годы XV в. служили князья Шаховские (три брата); в Калужском уделе в начале XVI в. — представители Оболенских и Ярославских княжат, их младшие ветви (А. П. Охлябин, дети И. М. Морткина), а также князь С. Д. Дашков их смоленских княжат, несколько Борятынских из Мезецких князей. При дворе Старицких князей находились представители известных княжеских фамилий: трое братьев Оболенских, князья Дрогобужские, Хованские, младшие дети князя В. К. Волконского, ключевые позиции занимали князья Пронские⁵. Характерной особенностью Старицкого удельного двора, как и ряда других в период централизации, было то, что окружение часто помогало великому князю в борьбе против своего сюзерена в надежде на последующие привилегии. Не случайно, в числе опричников Ивана IV значительное место занимала группа

из Старицкого удела: князя П. Д. и С. Д. Пронские, Хованский, Н. Р. Одоевский, В. И. Темкин-Росовский⁶.

Звание удельного князя существовало до конце XVI в. и исчезло вместе с уделами.

Князья служилые. Наиболее сложной, как в социальном, так и в политическом плане, является категория служилых князей, которая появилась в процессе централизации и существовала до конца XVI в. В досоветской историографии проблема служилых князей не рассматривалась. Советские историки под служилыми князьями подразумевали князей юго-западного региона, перешедших на московскую службу на рубеже XV—XVI вв.⁷ Однако, в своей последней работе А. А. Зимин дает более широкое толкование данного понятия, включая в него всех князей, перешедших под покровительство московского князя в процессе централизации и выделяет в их составе три основных слоя: старомосковские княжата; княжата Северо-Восточной Руси; княжата Юго-Западной Руси⁸.

Старомосковскими князьями А. А. Зимин условно называет тех, которые еще в конце XIV в. перешли на московскую службу и успели войти в состав великокняжеского Двора в период его формирования. В их числе: Гедиминовичи (князья Хованские, Патрикеевы, Булгаковы, Голицыны, Куракины, Щенятевы, Колюшковы и т. д.); Стародубские (князья Ромодановские, Кривобородские, Химсовы, Пожарские, Гагарины, Рябополовские и т. д.); Оболенские (князья Репишины, Щербатые, Тростенецкие, Пенские, Теленины, Нагие, Курлятевы, Долгорукие и т. д.); Звенигородские (князья Ноздроватые, Токмаковы и т. д.)⁹. Во второй половине XV в., когда начался массовый переход князей северо-восточных и юго-западных земель, они уже прочно срослись с боярской аристократией великокняжеского двора что отразилось в названии этого слоя. От служилых князей второй половины XV в. — начала XVI в. они отличались более прочным социально-политическим положением, более ранним включением в состав Государева Двора, а затем великокняжеской Боярской Думы, а также отсутствием крупных земельных владений в Северо-Восточной Руси (кроме князей Стародубских).

Вторую группу служилых князей образовали выходцы из бывших великих княжеств Северо-Восточной Руси. Это князья Суздальско-Нижегородские, Ярославские, Ростовские. Несколько особняком стоят, но в принципе относятся

к этой группе Тверские и Рязанские князья. В отличие от предыдущего слоя старомосковских княжат потомки князей этой группы имели территориальные владения в Северо-Восточной Руси и достаточно долго сохраняли суверенные права в своих землях (кроме внешнеполитических сношений), что несколько отстраняло их от Государева Двора, в состав которого незначительно вошли представители старших ветвей этого слоя. Суздальско-Нижегородские князья дали две основных ветви — Шуйских и Горбатовых, роды которых исчезли после 1638 г.

Ростовские князья дали роды Голениных, Щепиных, Пужбольских, Брюхатовых, Бахтеяровых, Хохолковых, Гвоздевых и других; Ярославские — Сисеевых, Шестуновых, Курбских, Хомяковых, Пенковых, Кубенских, Шаховских, Шехонских, Прозоровских, Ушатых, Юхотских, Чулковых и других¹⁰. К Тверским князьям относятся роды Телятевских, Микулинских, Чренинских, Дорогобужских, Холмских (последние — на особом положении). К знатым родам, игравшим значительную роль при великокняжеском Дворе, относились Зюзины, Наюкины, Нагге¹¹. Рязанские земли официально вошли в состав Российского государства в 1521 г., когда завершилось формирование основного состава высшего звена великокняжеской администрации, чем объясняется их слабая политическая роль в общегосударственном масштабе. Наиболее известны князья Пронские, которые были на особом положении в Рязанском княжестве, а затем при дворе Андрея Старицкого.

В целом, из княжат Северо-Восточной Руси наиболее высокое политическое положение занимали ростовские и суздальские ветви. К концу XV в. в составе Государева Двора достаточно четко выделяются три элемента: 1. Князья, находившиеся на московской службе с XIV в. (Гедиминовичи, Оболенские, Рязанские и их ответвления). 2. Бояре, издавна связанные с Москвой (Конкины, Морозовы, Челяднины, Хромые и другие), нетитулованная старомосковская знать. 3. Дети боярские (представители боковых ветвей тех же родов, местные землевладельцы, выдвинувшиеся службой)¹². В эти слои уже не могли пробиться служилые князья юго-западных областей, перешедшие на службу на рубеже XV—XVI вв. У них остался особый политический и социальный статус в государстве на протяжении всего XVI в., с чем и связано выделение понятия служилого князя в узком смысле, имея ввиду характерные черты, свойственные этой соци-

ально-политической группе: примерно одно время и условия перехода на московскую службу, тесная историческая связь с Великим Литовским княжеством, общие поземельные права и регион принадлежности, политическую судьбу и время включения в высшие эшелоны государственной власти, отсутствие формальных прав на великокняжеский стол. Определяя общий социально-политический статус этой группы в Российском централизованном государстве, следует отметить, что она занимала промежуточное положение между удельными князьями, княжатами Северо-Восточной Руси и старомосковскими княжатами и боярами, причем ее поземельные права и место местнической иерархии были выше, чем у бояр, а реальная власть в общегосударственных делах — ниже.

Динамика перехода служивых князей юго-западных земель на московскую службу была непосредственно связана с русско-литовскими отношениями конца XV — начала XVI вв. и выглядела следующим образом: Одоевские — 70-е годы XV в.; Бельские — с начала 80-х годов XV в.; Воротыньские — с осени 1487 г.; Белевские — с 1489 г.; Вяземские — с 1492 г.; Мезецкие — с 1493 г.; Трубецкие — с 1500 г.; Мосальские — с 1500 г.; Можайские и В. П. Шемячич — с 1500 г.; Глинские — с 1508 г.; Мстиславские — с 1514 г.¹⁵ Из них князья Бельские, Трубецкие, Мстиславские принадлежали к роду Гедиминовичей; князья Белевские, Воротыньские, Одоевские, Мосальские, Мезецкие — к роду черниговских князей; Можайские и Шемячич — к стародубским князьям; особое происхождение имели Глинские, род которых основал потомок Мамай, ставший западно-украинским земельным магнатом, князем Глинским, равным Рюриковичам и Гедиминовичам.

Служивые князья не представляли единой корпорации, но в их среде существовала своя, особая иерархия, обусловленная, главным образом, экономическим и военно-политическим значением их владений для Российского государства. В начале XVI в. эта иерархия выглядела следующим образом: 1. В. С. Шемячич, 2. С. и В. Можайские, 3. Бельские и Глинские, 4. Мстиславские, 5. Трубецкие и Одоевские. Эта иерархия не отражала реальной политической власти в общегосударственном масштабе. При Дворе великого князя в начале XVI в. из числа служивых князей укрепились Глинские и Бельские, которые перешли на службу без своих владений и получали «жалование» в центральных районах страны. Весь период малолетства Ивана IV характеризовал-

ся борьбой между Шуйскими и Бельскими, которая во многом объяснялась соперничеством, старой княжеской аристократии Северо-Восточной Руси со служилыми князьями.

По отношению к последним можно выделить некоторые общие методы московского правительства: — замена старых владений новыми, где отсутствовали связи; — раздача земель не в вотчину, а в кормление; — привлечение «слуг» на военную службу с участием в их полках московских воевод, что способствовало ликвидации у них элементов политической обособленности; — бдительный контроль центра за политической обстановкой в землях служилых князей; — частые опалы, которым подвергались все крупнейшие «слуги» (В. Шемячич, В. Можайский, Ф. Мстиславский, М. Глинский, И. Бельский, И. Воротынский), ограничивали их власть, даже если опала благополучно обходилась; — поручные записи с финансовой гарантией «неотъезда» князей (за князя Бельского И. Д. поручились 29 бояр, за князя Д. Холмского — 8, взявших на себя обязательство выплатить огромные суммы в случае их отъезда¹⁴; — династические браки служилых князей с представителями старомосковской знати и даже великокняжеского дома.

Включение служилых князей юго-западного региона в Думу началось с назначения в 1528 г. думным боярином князя Д. Ф. Бельского и растянулось на всю первую половину XVI в., а к концу этого столетия термин «служилый князь» выходит из употребления.

Князья-изгой, князья-эмигранты. В процессе создания Российского централизованного государства происходили сложные социально-политические процессы, приведшие к появлению таких категорий, как князья-изгой и князья-эмигранты. Изгоями называются люди, «вышедшие» (или «выжитые») из своего обычного общественного положения. Частой причиной изгойства князей было малоземелье разраставшихся княжеских родов. Из числа представителей известных фамилий изгоями, утратившими связи с родовыми землями были князья Пронские (из рязанских князей), Даниил Холмский (из тверских князей). Холмский удел был унаследован старшим братом и Даниил в 60-е годы XV в. отъехал к великокняжескому двору, где был принят, участвовал в походе на Казань (1469 г), фактически руководил походом на Новгород (1471 г), а в 1474 г. присягнул Ивану III на верность, дав крестоцеловальную клятву о неотъезде. Его сын Василий был еще более крупной по-

литической фигурой, что подчеркивалось тем, что в 1500 г. Иван III выдал замуж за него свою дочь. Как правило, изгоняемые были преданы великому князю, поскольку их положение и статус в государстве определялись личной службой.

В период централизации достаточно четко прослеживаются и общие причины эмиграции: — несогласие с присоединением их земель к общерусским территориям (нежелание признавать верховную власть московских князей над своими родовыми землями и невозможность отложиться с землей; — участие (или обвинение) в заговоре против московских князей. Местом эмиграции русских князей была Литва. В 1483 г. бежал в Литву сын последнего верейско-белозерского князя Василий Михайлович, когда началось ограничение суверенных прав его отца. Удел в 1486 г. По завещанию был передан в распоряжение московского князя. В середине 80-х годов XV в. эмигрантом становится последний тверской князь Михаил Борисович, в 1484 г. признавший себя «молодшим» братом¹⁵, а в 1485 г. уличенный в заговоре и бежавший, после чего Тверь окончательно вошла в состав общерусских земель. Аналогична судьба последнего рязанского князя — Ивана Ивановича, который в 80-е годы XV в. признал себя «молодшим»¹⁶, а в 1521 г. был обвинен в сношениях с татарами и «пойман», вскоре бежал.

Известны случаи, когда князья, ранее отъехавшие с землями к Литве, затем с ними возвращались. Интересна судьба Василия Шемячича, внука опального Дмитрия Шемяки, одного из руководителей последней феодальной войны 1425—59 гг., после поражения перешедшего со всеми землями к Литве. Весной 1500 г. Василий Шемячич вместе с князьями Можайскими, Трубецкими, Мосальскими вернулся под власть московских земель и стал главной политической фигурой в регионе, прикрывая южные рубежи. Он имел высокий политический статус в государстве, но в 1523 г. обвинен в измене, заточен, где и скончался.

К концу XVI в., когда сформировалась система управления, в России появились новые государственные учреждения, соответствующие более высокому уровню развития государственности и учитывающие на феодальном уровне социально-политическую структуру общества, стираются различия в составе Государева Двора и Боярской Думы, исчезают понятия удельных и служилых князей и приобретает новый смысл титул великого князя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Думиц С. В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское)//История Отечества: люди, идеи, решения. Очерк истории России IV — начала XX в. — М., 1991. — С. 78—79.
2. Там же. — С. 100—101.
3. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. XIV—XVI вв. — М.-Л., 1950. — С. 353—364 (далее — ДДГ).
4. Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV в. — первой половине XVI в.//История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. — Сб. ст. — М., 1977. — С. 161—189.
5. Его же. Указ, соч. — С. 172, 179, 181—182; Веселовский С. Б. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969. — С. 416.
6. Кобрин В. Б. Социальный состав опричного двора. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. — М., 1961. — С. 12.
7. Веселовский С. Б. Последние уделы Северо-Восточной Руси//Исторические записки. — 1947. — Кн. 22. — С. 101—131; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962. — С. 46—52; Зимин А. А. Служащие князья в Русском государстве конца XV в. — первой трети XVI в.//Дворянство и крепостной строй России XVI в. — XVIII в. — М., 1975. — С. 28—56.
8. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV в. — первой трети XVI в. — М., 1988. — С. 28, 123.
9. Там же. — С. 29—58.
10. Там же. — С. 81—96.
11. Его же: Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV в. — первой трети XVI в.//История СССР. — 1973. — № 3. — С. 128—134.
12. Его же: Формирование боярской аристократии... — С. 20.
13. Его же: Служащие князья в Русском государстве... — С. 28—56.
14. Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служащие люди. Происхождение русского дворянства. — СПб., 1898. — С. 49.
15. ДДГ. — С. 295—301.
16. Там же. — С. 283—290, 333.